

Кан Чжэ оказался прав. На следующее утро, умываясь, Тан Юйхуэй едва не расплакался от боли — кожа носа обгорела так, что казалось, вот-вот начнёт слезать. Он взглянул в зеркало. Загар за ночь исчез, кожа стала белой, как снег, за исключением ярко-красной полоски на носу.

Глаза у Тан Юйхуэя были большие, и от недосыпа края век всегда краснели. Тан Юйхуэй посмотрел на своё отражение и вдруг отчаянно захотел немного загореть, чтобы не выглядеть таким юным и нежным. Неудивительно, что Кэ Нин часто подшучивал над ним, говоря, что каждый раз после бессонной ночи в лаборатории наутро он выглядит так, будто всю ночь проплакал на улице. Тан Юйхуэю казалась идеальной кожа Кан Чжэ: смуглая, здоровая, сияющая. Она выгодно подчёркивала мужественные черты его лица. Этот человек излучал холодную ауру неприступной вершины — сразу понятно, что с ним лучше не связываться.

Тан Юйхуэй послушно намазался гелем алоэ, несколько раз плеснул в глаза холодной водой и наконец почувствовал, что выглядит более-менее нормально. Он вышел из комнаты во двор. Кан Чжэ говорил по телефону на тибетском. Тан Юйхуэй ничего не понимал и от скуки рассеянно его разглядывал.

Закончив разговор, Кан Чжэ обернулся, на мгновение замер, а затем сказал Тан Юйхуэю:

— Неужели мои слова так тронули тебя, что ты проплакал всю ночь?

Эх. Тан Юйхуэй вздохнул и терпеливо пояснил:

— Я не плакал. Просто плохо спал.

Тут Тан Юйхуэй снова зевнул, потёр глаза, а закончив, шмыгнул носом. Рефлекторные слёзы, пятна солнечных ожогов на светлом лице — выглядел Тан Юйхуэй в прямом смысле слова плачевно.

Кан Чжэ вздохнул. «Ладно». После некоторого раздумья он спросил:

— Ты что, вообще не можешь загореть?

— Так заметно? Ты разглядел? — удручённо ответил Тан Юйхуэй.

— Вчера ты казался немного темнее, — усмехнулся Кан Чжэ. — Может, из-за вечернего света.

— Я такой, — сказал Тан Юйхуэй, — загар не прилипает.

— В неспособности загорать есть свои плюсы, — взглянул на него Кан Чжэ. — В толпе тебя легко узнать.

Тан Юйхуэй нахмурился. Что за чушь он опять несёт? Совершенно непонятно.

Сегодня Кан Чжэ сменил одежду. Вместо длинного тёмно-синего пуховика, что был на нём предыдущие два дня, он надел чёрную ветровку и спортивные штаны с манжетами внизу. На ногах — мартинсы со шнуровкой до середины икры. Его ноги были длинными и прямыми, как у тех брутальных и невозмутимых моделей с обложек глянцевого журналов. Тан Юйхуэй разглядел бренд — довольно дорогой.

«И чем, интересно, занимается Кан Чжэ? — подумал он. — Он совсем не похож на местного. И он в таком виде собрался ездить верхом?» Тан Юйхуэю вдруг захотелось увидеть Кан Чжэ в традиционной тибетской одежде — наверняка это было бы красиво.

Кан Чжэ помахал ладонью перед лицом Тан Юйхуэя:

— О чём замечтался? Поедешь кататься на лошадях?

Тан Юйхуэй очнулся. В своём голосе он услышал давно забытую бодрость:

— Поеду!

***

Обычно для путешествий по Западной Сычуани в качестве транспорта выбирают машину. Можно долго ехать по извилистому бесконечному шоссе, прежде чем кого-то встретишь. Несколько раз на дороге попадались стада коров или коз, неспешным живым потоком переливающиеся через полотно, и всадники. В этот раз Тан Юйхуэй уже не был так наивен, чтобы предложить идти пешком, и послушно забрался на мотоцикл. На нём был всё тот же пуховик, что Кан Чжэ отдал ему третьего дня. Немного поколебавшись, Тан Юйхуэй обхватил Кан Чжэ едва касаясь его талии.

«Мне здесь очень нравится, — подумал Тан Юйхуэй, — сейчас я никуда не хочу. Интересно, можно ли будет одолжить у Кан Чжэ ещё пару вещей?» Он плотнее сжал руки: внутренняя сторона локтя Тан Юйхуэя прижалась к тазовой кости Кан Чжэ поверх одежды. Несмотря на несколько слоёв ткани, ему на мгновение показалось, будто он обнял скалу.

Кан Чжэ почувствовал, как живот слегка сдавило, но, подумав, ничего не сказал. Тан Юйхуэй был тёплым, и его прикосновение не раздражало. К тому же на такой дороге любое слово тут же уносило ветром, а останавливаться или сбавлять скорость было слишком хлопотно. Если бы у Тан Юйхуэя был шанс объясниться, он бы с возмущением заявил: «Это вышло непреднамеренно!»

Кан Чжэ гнал на мотоцикле как одержимый, словно собирался взлететь. Он то и дело с рёвом проскакивал впритирку к машинам, коровам, ограждениям и каменным межевым знакам. У Тан Юйхуэя от адреналина кружилась голова. Ему было страшно, но кричать или просить остановиться казалось неудобным. Когда Кан Чжэ наконец доехал до лугов Тагун, у Тан Юйхуэя от сильного ветра в голове уже всё помутилось. Ему показалось, что Кан Чжэ даже круче великана Куафу [2], гнавшегося за солнцем: гигант пытался лишь догнать светило, а Кан Чжэ оставил солнце далеко позади.

[2] Куафу (кит. 夸父 — «отец цветущего») — в древнекитайской мифологии великан, который хотел догнать и захватить солнце. Версии мифа о Куафу описаны в «Шань хай цзине» («Книге гор и морей»).

Однажды ясным днём Куафу задался вопросом: куда уходит солнце на ночь? Он решил последовать за ним и даже поймать светило. С каждым шагом он настигал солнце, и наконец нагнал его в долине Юйгу и попытался схватить огненный шар, но не стерпел исходящего от него жара, и стал отставать, однако преследования не бросил. Он шёл за солнцем с востока на запад, осушая все реки и озёра (в том числе великие реки Хуанхэ и Вэйшуй), встречавшиеся на пути, в попытке утолить жажду. Куафу так и не догнал солнце и умер от истощения и жажды, недалеко от Большого озера Дацзэ.

Из останков великана и брошенного им перед смертью деревянного посоха выросла Роща плодородия (夸父 — «дэн-линь»), огромный вечнозелёный персиковый сад с превосходными плодами, утоляющими жажду и голод любого путника, идущего на запад. Эта роща также отождествляется с Персиковой рощей (夸父 — «тао-линь»), растущей у подножия горы Куа-фу, названной в честь павшего великана.

У входа на пастбище сидел смуглый тибетский паренёк и собирал плату за вход. Тан Юйхуэй поднял глаза — прямо перед ним простиралась лестница, уходящая в облака. Храм Тагун окружали ступы. У входа, прислонившись, стоял монах в тёплой рясе. Нижняя часть храма была построена из камня в традиционном тибетском стиле, а верх украшала золотая китайская крыша с поднятыми углами, сверкавшая в утренних лучах.

Тан Юйхуэй собрался купить билеты и уже достал деньги, когда Кан Чжэ остановил его:

— Что ты делаешь?

Тан Юйхуэй поднял голову и растерянно посмотрел на него.

— Думаешь, мне нужен билет? — вздохнул Кан Чжэ.

Только тогда Тан Юйхуэй сообразил, запоздало промычал: «О-о» и пробормотал:

— А мне?

— Будь умницей, я тебя проведу, — ответил Кан Чжэ.

Тан Юйхуэй и вправду оказался очень послушным, донельзя смирным, и осторожно последовал за Кан Чжэ, подозревая, что в этой его фразе кроется насмешка, хоть и безобидная. С пареньком-билетёром у входа Кан Чжэ даже не поздоровался, лишь бросил на него взгляд, и их сразу же пропустили внутрь.

— Твой друг живёт прямо на территории? — спросил Тан Юйхуэй.

— Что? Нет, — Кан Чжэ шёл впереди. — Луга — это не туристическая зона. Туристы могут посещать и осматривать только специально отведённые места.

— А-а, — Тан Юйхуэй почувствовал, что Кан Чжэ, кажется, опять тонко подкалывает его, но к словам было не придраться.

Кан Чжэ обогнул длинную лестницу и резко сменил направление. Тан Юйхуэй поспешно схватил его за рукав:

— Ты куда? Мы разве не поднимемся?

Они остановились перед длинной лестницей, уходящей в облака. Кан Чжэ дёрнул рукав и, обернувшись, взглянул на него:

— Ладно, зря я над тобой смеялся. В конце концов, не продавец же виноват, что ты оказался здесь без билета.

Сказав это, Кан Чжэ достал сигарету и лениво протянул, обращаясь к Тан Юйхуэю:

— Хочешь — поднимайся сам, я подожду внизу.

— Ты не пойдёшь? — спросил Тан Юйхуэй.

— Нет, — ответил Кан Чжэ. — У меня горная болезнь.

Тан Юйхуэй опешил и сказал:

— Если ты не хочешь, я тоже не буду подниматься. Пойдём дальше.

Он сделал несколько шагов и увидел, что Кан Чжэ застыл на месте и, кажется, с любопытством его разглядывает. Их взгляды встретились. Сердце Тан Юйхуэя ёкнуло.

— Что такое? — спросил он.

— Какой же ты послушный, — Кан Чжэ снова улыбнулся своей знакомой улыбкой. — Тебе, наверное, часто говорят, что у тебя мягкий характер?

Тут сердце Тан Юйхуэя грохнуло глухим раскатом грома перед ливнем. Его охватило беспричинное смятение, ноги словно приросли к месту, и ему отчаянно захотелось за что-нибудь ухватиться. Хотя ему часто говорили, что он покладистый, слова Кан Чжэ опять звучали так, будто в них был скрытый смысл: они были сладкими, но кололи тонюсенькими иглами. Тан Юйхуэй не мог объяснить причину, но ему было очень неприятно, когда Кан Чжэ так на него смотрел. Неприятно это его то возникающее, то исчезающее, поверхностное любопытство.

Тан Юйхуэй инстинктивно закрылся. Сам не зная почему, он чувствовал, что разговаривать с Кан Чжэ опасно: чем больше говоришь, тем проще ему тебя разгадать. Хотя он давно подозревал: захоти Кан Чжэ, давно увидел бы его насквозь, просто пока ему было всё равно. Для него не было разницы пойдёт Тан Юйхуэй мимо или нет.

— Ну... характер у меня, пожалуй, неплохой, — медленно произнёс Тан Юйхуэй. — Во всяком случае, на тебя я, наверное, не рассержусь.

Произнеся это, Тан Юйхуэй и сам опешил. Рука Кан Чжэ, нёсшая сигарету ко рту, кажется, на миг замерла, но потом зажигалка, как ни в чём не бывало, вспыхнула ярким оранжевым огоньком, застывшим между их взглядами. Тан Юйхуэй поспешно добавил:

— Если бы я хотел рассердиться, давно бы уже сердился... В конце концов, ты разговариваешь не слишком-то мягко...

Когда Кан Чжэ сжимал сигарету губами, уголок его рта произвольно поднялся. Он мрачновато усмехнулся:

— О, даже так. А я вот считаю, что у меня прекрасный характер. Я с тобой очень мил, разве нет?

«Ну и зачем так откровенно врать?» — подумал Тан Юйхуэй.

Кан Чжэ сегодня, похоже, был в хорошем настроении. Увидев, что Тан Юйхуэй снова не нашёлся с ответом, он едва заметно улыбнулся и перекинул рюкзак Тан Юйхуэя, в котором он нёс воду, себе на плечо.

— Пойдём сначала к лошадям. После, если будет время, я поднимусь с тобой.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12810/1130165>